

Секретный агент Багира

Марина Серова

Прогулка по лезвию

«Научная книга»

Серова М. С.

Прогулка по лезвию / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Секретный агент Багира)

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Марина Серова

Прогулка по лезвию

* * *

Запах гари забрался в нос. Я побежала на кухню и открыла духовку. Кулинарный шедевр приказал долго жить. То, что я спасла, уже нельзя было назвать произведением кулинарного искусства. Это было живое олицетворение собственной забывчивости и рассеянности.

Мне редко приходилось так думать о самой себе. Ведь я считала себя человеком интеллектуальным, с великолепно развитой памятью, умеющей следить за ситуацией.

Вытащив сильно подгоревший пирог, я от отчаяния швырнула в раковину рукавички, которые предохраняли пальцы от ожогов, и поспешила открыть форточку, потому что на кухне было много гари. Пирог наверняка не подгорел бы, если бы не газета, которую я обнаружила сегодня утром у себя в ящике.

«Тарасовские вести», датированные двадцатым августа этого года, были брошены ко мне неизвестной рукой. Все было бы просто, если бы на дворе было лето. Ан нет, уже наступил декабрь, и газета эта не что иное, как приглашение к встрече. Я снова понадобилась Грому, и что он от меня потребует на этот раз, мне оставалось только догадываться. Из-за того, что я изводила себя размышлениями на тему будущего задания, я и забыла о поставленном в духовку пироге.

– Ищешь виноватого, Багира, – поймала я сама себя, – хочешь во всем обвинить Грома, хотя товарищ майор и не ведал, что может сотворить газетка, брошенная в ящик.

Место встречи у нас было давно оговорено. Это небольшое кафе рядом с крытым рынком «Северный», а на время указывала дата выпуска газеты. Август – восьмой месяц, значит, восемь часов, двадцатое число – двадцать минут. Все просто.

После того, как на кухне стало посвежее, я взяла нож и разрежала пирог на две половинки. Рассмотрев изнутри собственное произведение, я поняла, что сегодня за кулинарные способности Максимовой Юлии Сергеевне можно ставить не двойку, а два ноля, потому как это, кроме как в сортир, больше нести некуда.

В восемь двадцать вечера я была на месте. Сидела, пила кофе и читала, положив на стол ту самую газету, которую достала сегодня из ящика.

Майор не опоздал. Его темно-каштановые волосы были аккуратно причесаны, серый костюм был явно не самый дешевый из тех, что продавались в российских магазинах. Кроме того, на нем была дорогая дубленка.

Поздоровались. Суров Андрей Леонидович, собственной персоной, сидел сейчас передо мной и внимательно изучал выражение моего лица.

– Ты чем-то расстроена? – спросил он.

– Да, – ответила я, – сгорел пирог.

– Сочувствую, – серьезно произнес майор. – На улице холодно, гулять не будем. Допивай кофе, пойдем поговорим у меня в машине.

Кофе я отказалась допивать и предложила ему приступить непосредственно к делу. Он взял в руки положенные было на стол темно-коричневые перчатки и слегка махнул ими в направлении двери.

Мы сидели в темно-серой «Ауди» и разговаривали под мелодичную музыку, лившуюся из динамиков магнитолы.

– Поедешь в Москву.

– Какое счастье, – немедленно отреагировала я, – хоть немного поживу в Европе.

– Ты и так в Европе, – напомнил мне Суров.
– Тарасов не Москва, хотя у этого города свои прелести.
– Не надо думать, что ты будешь там ходить на экскурсии и повышать свой культурный уровень.

– На это я и не надеялась. Что слушаете? Вивальди?

– Что? – не понял майор.

– Я говорю «Вивальди»?

– Да, купил недавно компакт-диск. Хорошая музыка. И спать не тянет, – похвалил майор.

– Вы решили разделить классику на две категории: мелодия, под которую тянет «бай-бай», – посредственная, а та, которая будоражит воображение, – является проявлением более изящного полета мысли композитора.

– Давай вернемся к делам, – предложил майор. – Ты поедешь в столицу, остановишься в гостинице завода АЗЛКа.

– В заводской гостинице? – пессимистически переспросила я. Учитывая уровень наших ночлежек по стране в целом, я представила себе комфорт в этой так называемой «гостинице».

Но Гром был настроен изложить мне все задание от начала до конца и не стал прерываться на ненужный комментарий.

– Место выбрано не случайно. Примерно на одном расстоянии от гостиницы, но по разным направлениям расположены три средней руки продуктовых магазина. Видишь, какое на дворе время?

Я посмотрела через окошко на улицу, засыпанную снегом, и утвердительно мотнула головой:

– Да, зима.

– Новый год скоро, – уточнил майор, – люди как минимум поставят себе на стол бутылку шампанского и бутылку водки. Каждая семья. Представляешь, какие прокрутятся деньги?

– Можно посчитать, – предложила я, но он отмел эту идею и попросил меня не прерывать его речь.

Пришлось, если говорить грубо и прямо: заткнуться и развесить уши.

– По нашим данным, в магазины «Родник», «Русское Поле» и «Маркиза» время от времени подбрасывают некачественный разбавленный спирт, который выдают за водку. Тебе необходимо найти поставщика всей этой дряни и, если удастся, выйти на завод, где все это производится. После чего все тебе будут весьма благодарны, и ты сможешь считать, что выполнила задание. Директор «Маркизы» – некто Леонов Борис Иванович, тридцать восемь лет, женат, высшее техническое образование. Но на данный момент он не инженер, а, как видишь, директор. В «Роднике» и в «Русском Поле» заправляют женщины, и через них, я думаю, тебе не удастся ничего узнать, хотя это и не факт. Советую начать с Леонова.

– Что-то мелко для службы безопасности.

– Не скажи, – резко отреагировал Гром. – Эти магазины давно на заметке. Несколько человек травилось водкой, купленной именно в этих точках. Если тебя интересует точное число, то это пятьдесят одно заявление от граждан в течение года. А представляешь, сколько еще людей промолчали?

– А что же милиция?

– А что милиция? – переспросил майор. – Они не в состоянии прийти, представиться и узнать правду-матку. Дальше, аналогичные подделки были обнаружены в Санкт-Петербурге и Нижнем Новгороде. С помощью химического анализа удалось установить, что вода для разбавления одного и того же спирта берется из разных источников, значит, псевдоводку делают в разных местах, а спирт везде один и тот же, и заводик этот не из мелких – слишком велики масштабы производства. Но, несмотря на это, накрыть его не могут.

Сейчас, под Новый год, самое время найти тех, кто производит эту дрянь, и тем самым уберечь от отравления десятки человек. Четверо погибли в результате употребления водки «Князь Потемкин». Правда, из тех бумаг, что я читал, следует, что выпивали не меньше, чем по пол-литра каждый. Во время расследования не ориентируйся на название. Преступники постоянно меняют этикетки. Существует легальный вариант «Князя». Можешь представить состояние тех производителей, что платят государству налоги и производят качественный продукт.

Я слушала своего шефа, и пока мне не очень-то хотелось верить, что дело ограничивается нахождением какого-то спиртзавода. Гром не говорил мне никогда больше того, чем было необходимо для выполнения задания. Это на тот случай, если меня раскроют. Я не смогла бы никому ничего рассказать даже под пыткой, так как просто не знала конечной цели операции. Не слишком приятно ощущать себя всего лишь звеном в цепи, но лучше быть скрепленной с другими людьми в единое целое, нежели болтаться в одиночку.

– Работаешь в Москве, – продолжил Суров, – у тебя будет и страховка, и возможность получить помощь. В номере 204, который ты займешь в гостинице, – он с сегодняшнего дня снят на твоё имя, ты найдешь под подоконником в гостиной...

– Он что, двухкомнатный? – не поверила я.

– Да, номер в гостинице – двухкомнатный. В той, что побольше, в которой стоит телевизор, под подоконником найдешь инструкцию. Я не знаю, что в ней, так как с человеком, который будет заниматься твоей поддержкой, я не разговаривал. Скажу больше, я его не знаю. Поэтому... – он выдержал паузу.

– Понятно – завершила я, – доверяй, но проверяй.

– Вот именно, – Суров был доволен ответом.

– Вот билет на самолет, – он передал мне конверт, – и деньги. Здесь хватит на то, чтобы ты без проблем прожила в Москве несколько недель. Торопиться не стоит, но, честно говоря, хотелось бы все это закончить до Нового года, до того, как со склада этого завода готовая продукция разъедется по точкам.

Я забрала деньги и билет. Гром совал меня в очередную лужу с помоями. Вряд ли водочным королям понравится, что в их царстве-государстве появится человек, пытающийся остановить нелегальный спирtpоток, в котором российские сограждане успешно захлебываются.

Собираясь в командировку, я долго смотрела на свою шубу – дорогое женское удовольствие. Брать чернобурку с собой или не брать? В конечном счете, я решила оставить висеть одежку в шкафу, так как не была уверена, что мне удастся привезти эту вещичку обратно в целостности и сохранности.

В дорогу надела неплохую дубленочку, которой было уже года три, убедив себя в том, что не нужно особо выпендриваться. В конверте вместе с билетом лежало десять тысяч рублей. Я повертела пачку сотенных, перетянутую резинкой, и небрежно швырнула ее в сумочку.

– Вот так бы жить и швыряться, – тут же закралась мыслишка. – Пачку сотенных туда, пачку сотенных сюда.

АЗЛК выпускал не самые лучшие в мире автомобили, но вот с гостиницей все было в порядке.

Номер 204 оказался действительно номером, а не углом с койкой. Здесь был и душ, и туалет. Все недавно отремонтировано. Как я узнала, за мое проживание было уплачено за две недели вперед. Это выяснилось сразу же в холле у портье.

Поднявшись к себе и бросив чемодан на кровать, я первым делом полезла под подоконник. На ощупь ничего найти не удалось, пришлось присесть и внимательно осмотреть все возможные места и щелочки, куда могло быть засунуто сообщение.

Наконец я увидела едва торчащий из щели между подоконником и стеной белый кусочек бумаги и осторожно потянула его на себя.

В сообщении говорилось, что если мне понадобится пробыть в номере сверх оплаченного времени, или нужны будут большие суммы денег, а также какая-либо информационная поддержка или же просто помощь, то я должна буду позвонить по телефону, – номер начинался на 555. Я пошла на кухню и обнаружила там холодильник, в нем стояло аж две бутылки минеральной воды. Это просто верх российского сервиса!

В четвертом часу дня я вышла на московские улицы. Мне хотелось уже сегодня найти все три магазина, о которых говорил Гром, и полюбоваться там на ассортимент винно-водочных изделий.

В каждом из этих магазинов, как мне представлялось, должно было быть не меньше десяти сортов водки. Определить по бутылке, какая в них водка фальсифицированная, а какая – заводская, было возможно, но я себя подготовила к тому, что это может не дать необходимого результата.

Магазин «Русское Поле» находился ближе остальных к гостинице, и я отправилась туда. Обычный продуктовый магазин, занявший весь первый этаж жилого дома, был вполне прилично оборудован. Делать покупки в такой торговой точке наверняка было приятно и москвичам, и гостям столицы.

Я прошлась по залам, разглядывая заполненные продуктами витрины, и в самом конце своего путешествия уперлась в отдел, торговавший спиртным. За стойкой стояла еще не потерявшая своего очарования, уже не молодая женщина и пересчитывала мелочь, которую отсыпал ей потрепанного вида мужичонка. Когда деньги были оприходованы, продавщица взяла начатую бутылку и налила водку в мерный сосуд. Ровно пятьдесят грамм перекечевали в пластиковый стаканчик, который был передан страждущему.

Я стала знакомиться с сортами водки, имеющейся в данный момент в продаже. Кроме названий, не забывала посмотреть и на цену. В России количество сортов водки в настоящее время, наверно, перевалило за тысячу. Перепробовать все и вся было просто невозможно, да я и не стремилась к этому. В противном случае можно было запросто стать хроническим алкоголиком. Всего в «Русском Поле» я насчитала девять сортов. Выбрала самую дешевую и попросила продавщицу показать мне бутылку.

Та смерила меня слегка недоумевающим взглядом. Было чему удивляться. Что бутылку-то рассматривать? Надо содержимое пить, а не на бутылки смотреть, вроде как вещь какую покупаешь. Тем не менее мне без каких-либо возражений отдали в руки бутылку, и я стала внимательно крутить-вертеть ее в руках. Водка называлась «Василий Иванович, Петька и Анка». Герои популярных в народе анекдотов теперь перекечевали в название самого известного русского алкогольного напитка.

Посмотрев на наклеенную этикетку с обратной стороны через стекло бутылки, я увидела ровные клеевые линии – свидетельство того, что этикетку на бутылку наклеивал автомат. После этого я внимательно рассмотрела крышку и акцизную марку. Мне не удалось обнаружить каких-либо дефектов. Я вернула бутылку продавщице и попросила дать мне другую. Цена от предыдущей возросла на рубль восемьдесят, также одна из самых дешевых водок.

Я снова стала рассматривать бутылку. Видимо, подобное занятие сильно задело разливающую с утра до вечера огненную воду женщину, и она поинтересовалась:

– Вы будете брать?

Я отдала ей запечатанную посудину, отрицательно качая головой и запоминая название – «Генерал Суворов».

– Покажите мне еще «Барскую».

Это была уже третья бутылка, которую я изучала под неприязненным взглядом продавщицы. Мне снова не удалось придраться к качеству исполнения, и для того, чтобы не вызвать подозрений, я спросила продавщицу о том, какая из тех трех, что я просмотрела, на ее вкус, самая лучшая. Та еще больше вытаращила на меня глаза.

– Вы что думаете, я пью все это?

«Логично», – пронеслось у меня в голове.

– Хорошо, я возьму «Барскую».

Заплатив, взяла бутылку, положила ее в пакет и вышла на улицу. Самое сложное было не в осмотре бутылок, которые были у меня в руках, а в запоминании еще шести названий, для того чтобы затем в следующем магазине выделить именно эти бутылки.

Теперь мне предстояло посетить «Родник». По карте, на которой мною заранее было отмечено расположение магазинов, я определила, что он находится примерно в пяти километрах от «Русского Поля». Для Москвы расстояние небольшое, но идти пешком желания не было. Поймав проходящую мимо машину, я отправилась в следующий пункт своей инспекционной поездки.

«Родник» был как родной брат «Русского Поля». Находясь внутри, можно было перепутать эти два торговых предприятия. Снаружи отличие заключалось лишь в том, что «Родник» стоял на небольшом пустыре между жилыми домами, и в этот магазинчик наведывались преимущественно жители из окрестных домов.

К тому моменту, как я добралась ко второму по счету магазину, уже наступил вечер, и желающие выпить потянулись к «Роднику», в связи с чем около отдела с водкой образовалась небольшая очередь.

Большинство из пришедших граждан пили водку прямо на месте из стаканчиков, после чего подходили и по второму и по третьему разу. Так получилось и с мужичонкой, который уже отходил от прилавка в тот самый момент, когда я встала за здоровым широкоплечим дядей в черном кожаном пальто. В связи с тем, что продавщица была вынуждена каждому второму отмерять выпивку, очередь шла медленно.

Наконец, когда человек в кожаном пальто уже совершил покупку, я увидела, как мужичок допил отмеренную ему жидкость, одернул серенькое потертое пальтишко, надвинул на глаза выдавшую виды шапку и снова занял очередь, встав за гражданином того же сословия, что и он сам.

– Вам? – спросила измученная жизнью тетечка с синеватыми кругами под глазами.

– Мне? – тупо переспросила я, возвращаясь от невзрачного образа хронического алкоголика в сером пальто к цели своего похода.

За то время, что я стояла в очереди, я успела не только понаблюдать за пьянчужкой, но и изучить витрину. Три уже знакомых мне сорта также стояли в этом магазине, но был еще один, который можно было отнести к разряду дешевых. Общеизвестна истина, что производитель подпольной водки не платит никаких налогов, и, соответственно, может конкурировать с государственными или официальными производителями, сбивая цену на товар. Я попыталась быстренько оценить переданную мне бутылку.

Водка называлась незатейливо – «Гоша». «Гоша» не вызвал у меня отрицательных эмоций. Точно так же, как и ранее осмотренные «Василий Иванович, Петька и Анка», «Генерал Суворов» и «Барская», эта водка была сделана, на мой взгляд, безупречно.

Больше покупать водку я не собиралась. Отдав продавщице бутылку, попросила показать мне еще одну.

– Слушайте, ну что ж так долго? – с раздражением высказался объект недавнего моего наблюдения в тот самый момент, когда я изучала вторую по счету бутылку.

Оглянувшись, я поймала взгляд больного человека. Его глаза, несмотря на уже выпитое, оставались холодными, как лед. Отдав бутылку обратно, я поспешила выйти на улицу.

Пакет с приобретенной «Барской» ударил по ноге, и это заставило меня остановиться. Посмотрев на магазин, от которого я успела отойти на несколько десятков метров, я решила, что не провела всю работу в данном месте до конца.

Он вышел на улицу, поднял воротничок и, засунув руки в карманы, засеменял прочь от места, где совсем недавно утолял жажду. Я поспешила следом и вскоре окликнула его:

– Эй!

Человечек в сером пальто повернулся, его голубые глаза продолжали оставаться холодными. Руки он из пальто не вынимал. Не люблю, когда человек во время разговора держит руки в карманах. Ну да ладно, сейчас необходимо как-то наладить отношения и побеседовать с этим хроническим любителем выпить.

– Тебе чего?

Я подошла к нему и, открыв пакет, продемонстрировала покупку, сделанную в «Русском Поле». Он долго смотрел на бутылку, затем поднял глаза, и я увидела в них блеск. Это придало мне надежду на то, что у нас состоится весьма полезный разговор.

– Ты что, продаешь, что ли? – не понял он.

– Нет, – покачала я головой, – я это вам дарю.

Он с недоверием посмотрел на меня, шмыгнув носом, оглянулся по сторонам. Наступил вечер, и начало подмораживать, причем крепко. Поежившись, он предложил зайти в подъезд.

«В подъезд, так в подъезд», – подумала я, поминая недобрым словом Грома, который заставил меня заниматься какой-то ерундой.

Мы поднялись на второй этаж, где он поспешил положить замерзшие руки на батарею. Затем порывшись в карманах пальто, он извлек на свет помятый, треснувший, некогда белый пластиковый стаканчик. Поставив его дрожащей рукой на подоконник, он потер небритые скулы и, глядя как голодная дворняжка на колбасника, попросил:

– Налей, а?

Я передала ему пакет вместе с бутылкой, не желая ее распечатывать. Если хочет выпить, и сам пробку открутит. Я молча стояла, наблюдала за тем, как бесцветная жидкость булькает в стакан. Он умудрился налить ровно до трещинки, после чего взял стаканчик двумя руками и поднес ко рту.

– Ну, девушка, за твое здоровье, – сказал он и отправил внутрь огненную воду. Поморщившись и занюхав рукавом, он посмотрел на меня, потом снова взглянул на бутылку.

Похоже, этот человек мог пить бесконечно. Опасаясь, что его язык скоро уже будет не в состоянии произнести хоть одно слово вразумительно, я взяла бутылку с подоконника и переставила ее от мужичка подальше, себе за спину.

Вдруг он покраснел, схватился за горло руками и стал тяжело хватать ртом воздух и медленно оседать на пол. Я перепугалась и бросилась к нему. В этот момент он перестал сжимать руками горло и неожиданно для меня выпрямился, как ни в чем не бывало.

– Перепугалась, милая? – спросил он.

Я отступила от него на шаг. Дяденька простым трюком вогнал меня в детское смущение.

– Дай, я еще выпью, а? – Его даже не интересовало, кто я такая и почему я ему за просто так отдала целую бутылку водки.

– Подожди, у меня к тебе есть вопрос.

– Ты что, из ментовки?

– Нет. Почему я должна быть из ментовки?

Он снова засунул руки в карманы, поежился, хотя в подъезде было намного теплее, нежели на улице.

– А мне, кроме ментов, вопросы уже давно никто не задает.

– Скажи мне, – строго начала я, – дохнет ли по жизни ваш брат алкоголик?

– Дохнет, – утвердительно ответил он, кивая при этом головой и втягивая с шумом воздух через нос. – Извините, насморк замучил.

Культурный малый.

– А от чего дохнут-то?

– А сигареточки не будет?

Сигареточки у меня не было. Я уже было испугалась, что он и разговаривать со мной не станет, если я не дам ему сигаретку. Но мои страхи оказались напрасными.

– Вот добрая женщина нашлась, можно сказать, с улицы меня подобрала, в подъезд пригласила, питьем угостила. Завтра корешам расскажу – не поверят, просто чудо какое-то. Сколько там еще до Нового года?

– Три недели, – сообщила я.

– О! – он поднял вверх указательный палец, – три недели, а снегурочка уже здесь.

Похоже, моего собеседника потихоньку начало разбирать, потому как он перестал мерзнуть, и глаза его наполнялись теплотой и тоской. Опустившись на каменные ступеньки, он обхватил согнутые ноги руками, положил подбородок на колени и жалостливо посмотрел на меня.

– Дохнем мы, снегурочка, один за другим. И никому до нас дела нет.

– Отчего дохнете-то? – спросила я, усаживаясь на ту же каменную ступеньку рядышком.

– Ну как от чего? – неожиданно он снял шапку и стал яростно чесаться, после чего я поспешила подняться и отойти от него подальше. Похоже, дядю доставали вши.

– От водки, все от водки.

– А что пьете?

Он посмотрел сквозь меня в бесконечность, затем вернулся к действительности и пожал плечами.

– Недавно появилась родимая, «Третий Рим» называется. Как одеколон. А какой раньше продавали одеколон, это же сказка! Сейчас такого уже не делают. Все норовят подмешать какую-нибудь гадость, которая блевоту вызывает. А кому блевать-то хочется? Приходится трагиться или на «Третий Рим» за двадцать два восемьдесят за пол-литру, или же на «Гошу» за двадцать три шестьдесят. Вот и перебиваемся: с «Третьего Рима» на «Гошу» и обратно.

– И сколько же надо тебе... Кстати, как звать-то?

– Николай Фомич, – представился мой собеседник.

– А я Юля.

– Ю-ю-юля, – протянул он, при этом его лицо расплылось в улыбке.

– Так сколько, Николай Фомич, тебе надо «Третьего Рима», чтобы накрыло?

Сама я не сомневалась в том, что сейчас будет названа доза, которой достаточно для того, чтобы свалить с ног не только человека, но и слона. Похоже, мой вопрос застал его врасплох, и он, сидя на ступеньках подъезда, поднял голову вверх к потолку, украшенному многочисленными закопченными пятнами от сгоревших спичек.

– Ну, Юленька, я на этот вопрос не могу ответить вот уже несколько лет. Денег не хватает. Несчастный я человек. Забывался, было такое, но вот чтобы... А, – махнул он рукой, – нет в жизни счастья.

Тем не менее я не отступала от начатой темы.

– А ваши? У вас кто-то из знакомых умер?

– Да, – согласился он, – и не один. Раньше приходили в «Родник», а теперь вот...

Он цыкнул сквозь зубы и плевок упал на грязный пол.

– Были мужички. Санек одноглазый, да Вовчик. Были, а теперь нету. Выпили – и на тот свет.

– Вы пили вместе с ними?

– Чтоб я с ними? Да нет, они все жмотами были всю жизнь, мать их... Чтоб я с ними...

У меня и на себя-то не хватало.

Похоже, жмотом был как раз Николай Фомич, но это сейчас было не самое главное.

– И по скольку же они, по-вашему, выпили перед тем, как умереть?

– Копыта, копыта отбросить, – поправил он меня. – Для того, чтобы одноглазый Санек отбросил копыта, – при этом он снова многозначительно поднял грязный указательный палец вверх, – ему надо было столько спирту, сколько за день продает самый крупный магазин в Москве. О!

– Так, может быть, он умер-то не от некачественной водки, а от того, что пил много?

– Одноглазому Саньку было тридцать лет, и он был здоровенный алкаш. Не надо говорить ерунды. Вовчик – тот да, тот бы сдох, его от сигареты тошнило, от запаха водки мутило. Но для того, чтобы считать себя настоящим мужиком, он подвергал себя истязаниям каждый день. Наш был человек. Так вот, о чем я? Одноглазый с Вовчиком окоchureились, сидя у одноглазого дома и выпивая благородного «Гошу», хотя могли купить и «Третий Рим». Между прочим, шикавали, потому как на восемьдесят копеечек купили себе водку подороже. Хотели, видать, что-то отметить.

– Ну а причину смерти установили официально?

– По тому, что мужики говорят, никто, моя дорогая Юленька, ничего не устанавливал. Да кто нашего брата вскрывать-то будет? Кому мы нужны? Рассказывают только, на столе у них нашли аккуратно три бутылочки, одну допить не успели. А нашел их Золотозубый, он ту бутылочку-то и допил, сволочь, на халяву. Они еще до конца не остыли, а он их водочку выпил.

– И?

К тому моменту, когда я попросила его продолжить, в его глазах уже стоял густой туман. Николай Фомич сидел только благодаря тому, что он одной рукой держался за перила. Если бы он сейчас отпустил опору, то наверняка повалился бы.

– Ну вот такие дела, Юленька. Дай мне бутылочку, Николай Фомич хочет выпить.

Я смотрела на него и чувствовала, как жалость забирается ко мне в сердце.

– Где ты живешь? – спросила я.

Он улыбнулся, и я увидела, что у Николая Фомича отсутствует верхний левый клык.

– Этажом выше, – сообщил он, – только туда ходить не надо. Там жена. Злая.

«С чего ж ей быть доброй, если ты все деньги пропиваешь?»

– А ну-ка, пойдем.

– Куда? В трезвяк? – уже заплетающимся языком поинтересовался он. – Лучше я к Люське. Ладно, Юля? Я к Люське. Она меня уже, наверное, матюками покрыла. Слышала когда-нибудь, как моя Люська матерится? Вот, и я не слышал. Все про себя, все про себя, нет чтобы хоть раз мужу в лицо сказать, что, мол, пьяница ты, мать твою разэдак...

Он с шипением втянул воздух и замер.

– Номер квартиры? – потребовала я.

– Что? – не понял он, глядя мимо меня в пустоту.

Я схватила его за пальто и рывком подняла.

– Номер квартиры?!

Он смотрел мимо меня на подоконник, где стояла бутылка.

– Номер квартиры?! – третий раз выкрикнула я.

– Двадцать четыре, – ответил он, стараясь высвободиться от меня.

– Пошли.

– А как же бутылка?

Мне пришлось приложить все свои силы для того, чтобы доставить этого пьянчужку к квартире. На звонок вышла толстуха в давно не стиранном халате и рывком втащила суженого на свою территорию.

– Спасибо, – бросила буднично она, видимо, привыкнув к подобным доставкам, и хотела было уже закрыть дверь, но я не дала ей этого сделать.

– Мне с вами надо поговорить.

Она долго смотрела на меня и, казалось, не могла понять, что эта хрупкая девушка здесь делает.

– Что вам надо? – раздраженно спросила она. – Вы из милиции?

– Нет, – ответила я, и дверь тут же захлопнулась перед моим носом.

Позвонила снова. Люся вышла в коридор, уперев руки в боки. Я была уверена, что сейчас поднимется крик.

– Как мне найти Золотозубого?

– Это приятеля Коленьки? – морда хозяйки квартиры скривилась в отвратительной гримасе.

После того, как я дала свиноматке, а именно свинью Люся напоминала мне больше всего, десятку, та сделала вывод о том, что мне, действительно, очень нужен этот человек.

– Следующий дом, первый подъезд, первый этаж, первая квартира.

– Следующий в какую сторону? – уточнила я.

– В сторону станции метро. Все, спасибо за доставку.

– Там на подоконнике бутылка «Барской», если вы хотите, то можете забрать ее.

– Так вы поили его?! – с негодованием выкрикнула свиноматка, но к этому моменту я была уже на этаж ниже.

Мне пришлось долго звонить в обшарпанную дверь, но с той стороны так никто и не подал признаков жизни. Делать было нечего, я развернулась и хотела было уже выйти на улицу, но навстречу мне попался человек с серым лицом. То, что он алкоголик, не вызывало у меня сомнений. Я обернулась и увидела, что он не пошел к лифту, а стал копать около двери под номером один.

– Золотозубый? – резко спросила я.

Он перестал возиться с замком и повернулся.

– Я, – робко ответил он, принимая стойку по швам. – Что хотели, товарищ начальник? – бодро спросил он. – Последние две недели порядок не нарушал, к женщинам не приставал. Чист как стеклышко. В данный момент краденого на руках не имею, одновременно ничего не продаю.

– Вольно, – ответила я.

Он принял меня за сотрудника милиции, и это было мне на руку. Я не спешила признаваться, что на самом деле не имею отношения к МВД, и решила воспользоваться сложившейся ситуацией.

– Может, пригласишь войти? – спросила я.

Он не стал медлить и вскоре распахнул дверь в квартиру. Я предполагала, что перед моими глазами будут голые стены и грязь, но на самом деле, как выяснилось, гражданин Золотозубый живет, если и не нормально, то очень даже близко к этому показателю. В его двухкомнатной квартире были телевизор, холодильник, домашняя утварь. Был даже музыкальный центр, причем не самый дешевый. У меня сразу появился вопрос, касающийся его источников дохода, но сейчас больше всего меня интересовали трупы одноглазого и Вовчика.

– Послушай, – спросила я, – где бутылки, которые стояли на столе у одноглазого и его кореша?

Золотозубый выпятил нижнюю губу.

– Я ничего не трогал. Мы договорились встретиться, я уже об этом вашим людям рассказывал по пятьдесят пять раз, стал звонить в дверь, никто не ответил. Тогда я достал соседку. Она сказала, что мои братья буянили не далее как полчаса назад. А на самом деле это у них судороги были, понимаете? Часть посуды со стола смахнули. Вот так. Умирили они. Перепились.

– Больше от «Гоши» никто не умирал?

– От «Гоши»? – Золотозубый рассмеялся, и я увидела коронки из желтого драгметалла, которые были надеты на два нижних и два верхних резца. – От благородного «Гоши» никто еще не умирал, а эти двое, – он неожиданно для меня перекрестился, – просто тихо спились.

– Больше о подобных смертях ничего не знаете?

– Ну, раз в год, а может, и раз в полгода, кто-то умирает, – он развел руками, – в нашем микрорайоне. Ну так век любителя выпить недолог, так что сами понимаете.

Мой собеседник подошел к серванту, вынул оттуда и указал пальцем на пять звездочек.

– Не желаете?

– Прекратите, – резко остудила я его пыл, – ведите себя прилично!

Я вышла на улицу и пошла обратно в гостиницу. Было уже поздно, да и холодно. Мне предстояло посидеть и поразмышлять. Неожиданно для самой себя первый мой день пребывания в Москве выдался, можно сказать, богатым на события. Я посетила два магазина и поговорила с алкоголиками.

Второй день командировки я решила начать с посещения «Маркизы». От предыдущих двух магазинов «Маркиза», в первую очередь, отличалась своими размерами. Магазин был ближе к центру, и его прилавки просто-таки ломились от изобилия различного рода продуктов. Этот магазин больше походил на супермаркет.

Здесь уже водку в розлив не продавали, ассортимент был раз в пять богаче, и мне было нелегко найти именно водку, потому как вин, пива, шампанского, коньяков, воды и соков тут было много. Тем не менее под нашу любимую была отдана целая полка.

Продавщица в форменной одежде в розовом фартучке и шапочке – этакая девочка-ягодка – продавала алкоголь с улыбкой и чувством собственного достоинства.

– Покажите мне «Третий Рим», – попросила я.

Она тут же дала мне бутылку. Акцизная марка, пробка, этикетки, при встряхивании пузырьки – все в норме. Я отдала бутылку обратно и попросила другую.

– «Фрегат» можно посмотреть?

Девочка услужливо дала мне следующую. В отличие от «Третьего Рима», эта бутылка была уже емкостью 0,75.

– Будете брать? – вежливо подтолкнула меня к покупке продавщица.

Осмотрев и эту бутылку, я попросила следующую. Третью уже надо или покупать, или отходить ни с чем. Хотела было отдать ей и третью бутылку водки, но в моей голове зародилась незатейливая, но, как мне казалось, весьма продуктивная идея. Я купила водку, чье название отличалось оригинальностью.

Бутылка называлась «Один дома». Ну просто подарок алкоголику. Вряд ли она хорошо раскупалась, пусть даже продукт отменного качества. Другое дело название «На троих» – вот это чисто русское, и народ наверняка лучше берет.

Затарившись водкой, я подошла к отделам, торгующим мясным. Разглядывала копчености недолго. Выбрала самую дешевенькую колбасу и попросила взвесить мне полкило. Колбаску мне положили в пакетик, который был, кстати, бесплатным, в отличие от большинства магазинов, где, против существующего положения, собирают копейки за полиэтилен.

Я забрала мечту социализма и тут же понюхала ее.

– Воняет! – выкрикнула я на весь торговый зал.

Продавщица вытаращила и без того огромные серые глаза и с непониманием уставилась на меня.

– Позовите заведующего! – сказала я. – Вы продаете испорченную колбасу!

Меня не стали уговаривать, что я не права и что это свежий продукт. Попросив коллегу по работе посмотреть за прилавком, женщина, у которой я сделала покупку, удалилась в служебное помещение и вскоре появилась оттуда вместе с интеллигентным высоким мужчиной.

Он был строен, чисто выбрит. На нем был хороший костюм, изящный галстук. Его лицо выражало доброжелательность, а темные глаза были теплыми, и в них не было абсолютно никакой вражды. Я увидела, что передо мной человек, который готов профессионально заглаживать любые проблемы и недоразумения.

– Здравствуйте, я директор этого магазина, Леонов Борис Иванович. Что-то не так?

Я была вынуждена признаться себе, что мужчина, который стоял сейчас передо мной, не может не нравиться. Он производит впечатление.

– Что случилось? – спросил он, подходя ко мне вплотную и глядя мне в глаза сверху вниз.

– Похоже, у этой колбасы истек срок годности, – ответила я, протягивая ему только что сделанную покупку.

Потихоньку вокруг нас начала собираться толпа. Директор взял у меня из рук полиэтиленовый пакет, раскрыл его и сунул туда нос. После этого он вновь выпрямился и обратился к продавщице:

– Лена, уберите этот товар с прилавка, а покупательнице верните деньги.

Я была удивлена подобным поворотом дела, я ожидала, что директор магазина начнет защищать марку предприятия самым что ни на есть тупым способом – он будет уверять меня, что все свежее. Здесь же администрация шла, можно сказать, на поводу у покупателя: колбаса испорченная? Хорошо, уберем с прилавка, вернем деньги, только не надо скандалить.

То есть мне вежливо указывали на то, что все мои возражения будут учтены. Я, честно говоря, в первый раз была в такой ситуации, и мне чисто по-человечески было неприятно, что меня таким образом практически выставляют из магазина.

– Может быть, вы возьмете у нас какую-либо другую колбасу? – поинтересовался он. – Здесь много сортов.

Мне просто необходимо было поддержать разговор и как можно ближе познакомиться с ним.

Я на мгновение увидела, как при взгляде на меня расширяются его глаза. Похоже, я ему нравилась, и это было весьма кстати.

– Может, вы сами что-нибудь предложите?

– Охотно, – согласился он. – Вот, посмотрите, наша московская колбаса.

Я поглядела на цену. По сравнению с той, что я покупала, эта стоила в три раза дороже. А мяса, поди, в ней больше всего процента на три.

Теперь он, можно сказать, взял меня на понт. Не могла же я ответить ему, что у меня нет денег. Он быстро догадался, что моя пауза вызвана скромными средствами.

– Ну, если для вас это дорого, возьмите вот эту. На вкус почти такая же, а стоит меньше. Это у нас... О! – он прочитал на ценнике вслух, – «Галантная». Хороший сорт.

Я сказала, что воспользуюсь советом и возьму колбасу «Галантную», мне было важно не упустить возможности дальнейшего общения.

– Понимаете, – начала я, – вообще-то я в командировке, ну и захотелось, знаете ли, сесть и от души налопаться. Я люблю хорошо поесть.

– По вашей фигуре не скажешь, – отметил он.

Не знаю, где он уж там разглядел фигуру под дубленкой.

– Можно полюбопытствовать, а что вы уже успели купить?

Я молча раскрыла перед ним пакет, на дне которого лежала бутылка водки. Заглянув внутрь, он поморщился.

– Вы что, собирались пить в одиночестве?

Я поспешила отвести от себя подозрение:

– Нет, это завтра по работе небольшой презент начальнику.

– А-а, – протянул он, – видать, не слишком высокий начальник, раз вы купили ему вот это.

Он даже не назвал то, что у меня лежало в пакете, водкой. Он именно произнес: «Вот это».

– А что вы посоветуете?

– Я буду здесь не оригинален, но если вы хотите сделать подарок кому-то и этим подарком должна быть обязательно бутылка, то берите известные сорта: ту же «Столичную»...

– Вы знаете, – честно призналась я, – мои финансы не позволяют шиковать и делать дорогие покупки. Я привыкла обходиться минимумом, иначе мне просто не останется на тряпки. Нельзя же все деньги тратить на еду.

– Это верно, – согласился он. – По вам я бы не сказал, что вы бедствуете.

– Вот именно, – ответила я, – если бы не экономия в еде, то о приличной одежде и речи бы не шло.

Я играла перед ним роль золушки из НИИ, и это должно было сработать.

– Можно, я сделаю вам подарок? – предложил он, подходя к одной из витрин, где был выставлен шоколад. – Вот это неплохие конфеты.

Он попросил продавщицу снять с полки большую коробку и передал ее мне. Посмотрев на цену, я увидела, что конфеты стоят около двухсот рублей, невероятно дорого для простой женщины, приехавшей в командировку из провинции.

– Но это очень большие деньги, – ответила я. – Вряд ли удобно принимать столь дорогой подарок, причем так неожиданно. Я закатила вам скандал, а вы проявляете ко мне такое внимание.

Он взял меня под руку и отвел в сторону.

– Вы знаете, мое внимание к вам обусловлено не скандалом, как вы только что выразились, а вашей внешностью. Вы мне нравитесь как женщина, – прямо сообщил он. – Как вас зовут?

Я была поражена быстрым переходом от официальной части к панибратству, но все же ответила ему.

– Очень приятно, – сообщил он. – Возьмите конфеты. И вот еще что, может, встретимся сегодня вечером после работы?

По той информации, что у меня была от Грома, директор магазина был женат, и возможность гулять налево, наверняка, у него была. Что же касалось меня, то я не собиралась спать с этим человеком, но отказываться от ужина и не думала.

Мы договорились о том, что он заедет за мной в общежитие в семь часов вечера и мы поедем ужинать. Действительно, так все и получилось. Без пяти семь он уже звонил в дверь. К этому моменту я успела привести себя в порядок. Я постаралась создать весьма простой образ провинциалки: слегка подвела глаза, причесала волосы и надела скромненький строгий костюм.

По тому, как он на меня смотрел, я поняла, что понравилась ему.

– Хороший номер.

– За него платит предприятие, моей зарплаты не хватит на то, чтобы прожить в таком и трех дней.

Мы вышли на улицу, и я увидела, что господин директор приехал ко мне на «БМВ» белого цвета. Машина была большая, и мне было весьма комфортно на переднем сиденье.

– Какое у вас авто, – начала разговор я, разглядывая панель управления. – Наверное, очень дорогая машина?

– Да, не дешевая, – согласился он. – И откуда вы к нам, Юля, приехали?

– Из Тарасова, – ответила я. – У нас там сейчас немного оживилась экономика. И я надеюсь, что рано или поздно зарплата у меня вырастет.

– Наверняка, так и будет. На правах хозяина, встречающего гостя из другого города, я повезу вас в ресторан, выбранный на мой вкус. Вы не возражаете?

– Нет, – просто ответила я. – Боюсь только, что у меня не хватит денег.

– О, ни слова о деньгах, – на секунду он отпустил баранку. – За все я буду платить. Вы доставляете мне удовольствие уже тем, что рядом со мной.

– А вы женаты? – спросила я.

Он мельком взглянул на меня, оторвавшись от дороги, а затем снова сосредоточился на вождении машины.

– Зачем эти вопросы? Какая разница?

Мы подъехали к старому четырехэтажному зданию, каких немало в центре Москвы, и вошли в вестибюль. Сдали свою одежду в гардероб и поднялись на второй этаж в прекрасно оформленный зал, где преобладали голубые тона и позолота. В углу играл оркестр. Ресторан был полон. Официанты с огромными блюдами сновали от столиков к кухне и обратно.

– Я заказал места сразу же после того, как вы ушли, – ответил он. – Здесь всегда много народу. Хозяин этого заведения знает толк в том, как создать атмосферу, в которой людям приятнее всего общаться друг с другом. Вы ведете себя так, как будто всю жизнь ходите по ресторанам, – заметил он.

– А что такое? – не поняла я. – Мне кажется, что это нормально: вести себя естественно.

Официант подал нам меню и карту вин. Цены, которые стояли напротив кушаний, вызвали у меня легкое онемение в пальцах рук.

Я заказала устриц, лобстера и сазана. Получилось на приличную сумму.

– Я смотрю, у нас сегодня рыбный вечер, – отметил он, наверняка, предвкушая, как я буду отрабатывать всю эту кормежку у него на диване в какой-нибудь квартире на окраине города, о которой жена не имеет и понятия.

К концу вечера я была довольна тем, что съела не меньше Бориса, так теперь запросто я могла его называть, а вот «Бургундского» выпила побольше, ему еще машину вести.

– Поедем ко мне, – буднично предложил он, спускаясь вниз по лестнице к гардеробу и поддерживая меня под руку.

– Знаешь, – устало ответила я, – мне завтра рано вставать, тяжелый день, надо работать.

Помогая мне надеть мою дубленку, которая среди остальной одежды, висящей в этом гардеробе, выглядела как ошипанная курица среди страусов, он смотрел на меня с недовольством.

– Я обещаю, что завтра утром отвезу тебя на работу. Ты не опоздаешь. Ну так как?

Я поблагодарила его за ужин и попросила отвезти меня обратно в гостиницу. Борис разглядывал меня, будто я отнимала у него нечто ценное.

– Давай завтра, – попросила я, – я еще здесь проторчу несколько недель.

– Предположим, – сухо согласился он, открывая передо мной дверцу машины, – завтра, так завтра.

Мы сели, и он зло рванул с места. Я чувствовала, что он рассержен и расстроен таким поворотом дела. Тем не менее, видимо, Борис не принадлежал к категории мужчин, которые будут настаивать и уговаривать до тех пор, пока женщина не согласится только для того, чтобы очередной козлина от нее отстал. По дороге в гостиницу в машине у Леонова зазвонил телефон.

– Добрый вечер, дорогая, – поздоровался он. – Нет, уже еду домой. Через тридцать минут буду на месте, – ответил он. – Да, дорогая. Нет. Скорее всего, захвачу. Какие гости? – с интересом спросил он. – Понятно. Займи чем-нибудь их, я вскоре подъеду.

Он повесил трубку.

– Что, вас ждут дома? – спросила я.

– Да, – пробурчал он, – работа не оставляет меня даже в стенах моего жилища. Приехали люди. Нужно будет с ними разговаривать. В связи со сложившимися обстоятельствами должен заметить, что у нас с вами ничего не получилось бы.

– А что за люди?

Он улыбнулся.

– Юля, давайте не будем говорить о моей работе. Я, как и большинство людей, не люблю то, чем мне приходится заниматься ежедневно.

Он стал задумчивым, практически не разговаривал оставшуюся часть пути. Из этого я смогла сделать вывод о том, что домой к нему пожаловали не простые гости.

Подъехав к гостинице, я, чтобы расставить все точки над «і» в нашем сегодняшнем общении, чмокнула его в щеку и поблагодарила за ужин, а он, в свою очередь, спросил меня, когда же мы снова увидимся.

Я предложила ему заехать за мной завтра, опять в семь часов, а культурную программу он был волен подбирать на свой вкус. Он не спешил расставаться со мной и проводил меня до самой двери, тем самым заработав еще один мой поцелуй.

На этом наше свидание закончилось. Закрыв за собой дверь, я и не подумала раздеваться. Наличности было достаточно для того, чтобы раскатывать по Москве на такси всю ночь. Прижав ухо к двери, я слушала звуки удаляющихся шагов, затем досчитала до десяти и тихонько приоткрыла дверь.

Когда я спустилась вниз, белая «БМВ» отъезжала от подъезда общежития. Я лихорадочно посмотрела по сторонам и не увидела ни одной машины. Через несколько секунд он вырулит на трассу и испарится в неизвестном направлении, а этого я бы не хотела.

Как только «БМВ» завернула за угол дома, я выбежала на улицу с единственным желанием поймать какую-нибудь машину. Я имела все шансы упустить Леонова.

Тут неожиданно во двор въехала темно-зеленая «девятка», из которой выпрыгнул парень лет восемнадцати, только-только, видимо, получивший права. Я обратилась к нему. Он остановился, с любопытством разглядывая меня.

– Заработать хочешь? – спросила я, демонстрируя в свете горящего фонаря над подъездом несколько сотенных бумажек.

– Кто это нынче в России не хочет заработать, – с оптимизмом ответил он.

– Видел белую «бээмвэшку», которая сейчас выехала со двора?

– А что такое?

– Да он к другой бабе поехал, паразит, – сообщила я. – Может, посодействуешь?

Он вполне по-взрослому крякнул и предложил мне садиться. Когда мы выехали на трассу, которая в эти часы была не такой оживленной, как днем, то наткнулись на десятки красных фонарей, обозначающих габариты машин.

– Вон она, ваша «БМВ», – показал он на удаляющиеся от нас две красные точки.

– Слушай, давай лучше на ты, – предложила я.

– Хорошо.

– Так ты уверен? – переспросила я, имея в виду его определение «БМВ».

– Ну, немного разбираюсь в машинах, – ответил он, разгоняя «девятку».

Парень определил марку по габаритным огням. Не хило.

Мы мчались по заснеженной Москве следом за белой «БМВ» Леонова.

– Ты не слишком приближайся к нему, – советовала я, – он наблюдательный. Опять мне будет дома рассказывать, что ездил на работу, что у него много дел.

Парень молча кивнул головой и закурил.

– Не будешь? – спросил он, протягивая пачку.

– Нет, я не курю, – ответила я, впившись взглядом в удаляющуюся машину.

Мы ехали около двадцати минут, пока «БМВ» не свернула во двор одного из жилых домов. Поставив авто на сигнализацию, Борис вошел в подъезд.

– Ну что, все, приехали? – парень барабанил пальцами по рулевому колесу.

– Подожди, а? – попросила я, выходя из машины и рассматривая тачки, стоящие во дворе.

Если у Леонова гости, то вряд ли они пришли пешком. Я увидела парочку джипов: «Гранд Чероки» и «Ниссан». Иномарки стояли недалеко от подъезда. Запомнила номера. Затем вошла вслед за Леоновым в подъезд, остановилась и прислушалась. Лифт ушел наверх.

Дом был двенадцатиэтажным, и для того, чтобы определить, на каком этаже выйдет Леонов, мне пришлось бежать вверх. Результатом моего спринтерского забега по ступенькам стал следующий установленный факт: директор магазина «Маркиза» жил на девятом этаже в квартире, которая находилась слева от лифта.

Этого было вполне достаточно, и на сегодня я решила закончить все свои изыскания. Спустившись вниз, попросила парня отвезти меня обратно к тому месту, с которого он меня и подобрал.

Ночь я спала плохо. Все думала, размышляла, каким же образом мне через торговые точки выйти на поставщиков. Во-первых, было необходимо установить: от «Гоши» травятся люди или же не только от него. Насчет «Третьего Рима» также непонятно. Очень уж дешевое, по нынешним временам, пойло. Где его производят? Какие документы есть на этот товар.

Мне было бы интересно сейчас покопаться в бухгалтерии магазинов! Самым предсказуемым был отрицательный результат. То есть с документами было бы все в порядке: какие-нибудь левые накладные, помеченные штампами несуществующих предприятий.

Но это все гадание в третьем часу ночи. На практике же мне предстояло просто проверить крепость нервной системы заведующих магазинами. К Леонову я надеялась подобрать ключик чисто с женской стороны, а вот что касается «Русского Поля» и «Родника», здесь приходилось действовать несколько иначе.

... Я нашла его на своем «боевом посту». Николай Фомич стоял за столиком и тупо смотрел на новенький, но наверняка давно опустевший пластиковый стаканчик.

– Привет, – поздоровалась я.

– Привет, – сурово ответил Фомич, – наливай.

Я была не готова к столь радикальному повороту нашего разговора, но и сама понимала, что добиться от Фомича положительного результата можно лишь в том случае, если он придет в нормальное для него состояние, то есть удовлетворит суточную потребность в этиловом спирте.

Оглянувшись на отдел, я спросила:

– Что брать будем?

Тот сглотнул слюну и немедленно отошел от стола и направился к витрине. Он долго стоял, шевелил губами, сцепив в районе пупка пальцы, и иногда поглядывал на меня.

– Ну давай «Фрегат», что ли, возьмем, – предложил он, – гулять так гулять.

– Бутылки хватит? – по-деловому справилась я.

– Хватит, – ответил он, – только вот не верю я, что спонсоры сваливаются на нас с неба. Все это за спасибо?

– Так брать или нет?

Он не мог поверить в то, что я переспрашиваю.

– Конечно, конечно, чего ты ждешь? – он был готов расцеловать мне сапоги.

Я взяла ему бутылку.

– Может, снова пойдем в подъезд? – предложил он, и на его лице появилась едва заметная улыбка.

– Что, мы там откроем филиал от этого магазина? – спросила я.

Он быстренько засунул пузырь себе в карман и кивнул. Делать было нечего. Несмотря на то, что на часах не было еще и десяти утра, Николай Фомич уже успел принять немного на грудь, а теперь ему удача в моем лице предоставила возможность основательно поправить собственное здоровье, которое выходило из строя регулярно, каждое утро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.